

Глава 5

В марте во всех крупных вузах началась преддипломная практика для студентов четвёртого курса.

Заявление Чэн Юньцина на практику декан медицинского факультета придержал у себя.

Найдя Чэн Юньцина, он многозначительно сказал:

— Заполнять документы нужно внимательно. Ты по ошибке указал районную поликлинику, я исправил. Я в тебя верю, не разочаровывай меня.

Чэн Юньцин получил исправленное деканом заявление.

Вместо скромной поликлиники там значился стоматологический центр известной в Цзиньхае первоклассной больницы, а в качестве научного руководителя вместо обычного заведующего отделением был указан сам декан.

Чэн Юньцин долго смотрел на бумагу, сжимая её в руке так, что она помялась.

С самого первого курса он свысока смотрел на эти мелкие поликлиники. Но ту, что он выбрал, он выбрал не случайно — она находилась рядом с домом Лю Цзинхэна.

Чэн Юньцин швырнул заявление на стол.

Он и вправду сошёл с ума. Отказаться от блестящей возможности ради маленькой поликлиники только потому, что рядом живёт Лю Цзинхэн?

Что за бред.

...

Лю Цзинхэн тоже изучал свою программу практики.

Заказанное инвалидное кресло доставили. Лю Цзинхэн, следуя инструкции, сам его собрал и сел.

Неплохо. Хорошо.

Сидя в кресле и глядя в окно, он провёл так весь день, от рассвета до заката, и наконец вспомнил следующий коварный план своего персонажа.

Тот собирался разрушить не только личную жизнь главного героя, но и его карьеру.

Несмотря на отсутствие зрителей, он, словно преданный своему делу актёр монодрамы, в пустом зале медленно сжал кулаки.

«Я заберу всё». Леопард сжимает кулак.gif

Стоматологический центр при больнице Университета Цзиньхай.

В оживлённом холле больницы все стали свидетелями такой картины:

Худой молодой человек неуклюже вращал колёса инвалидного кресла, но тут же застрял,

наехав на ножку стула. Парень надолго замер в раздумьях, затем медленно встал, отодвинул кресло и снова сел.

Все: ...?

«Что купить, электромобиль или бензиновый? А может, инвалидное кресло? На нём и в помещении можно ездить».

Лю Цзинхэн сжимал в руке талончик. На электронном табло высветилось его имя, и громкоговоритель объявил:

— Пациент номер 078, Лю Цзинхэн, пройдите в кабинет номер шесть.

Он въехал в кабинет на своём кресле. Дежурный врач, увидев его, встал и помог ему заехать в процедурную.

Дверь открылась, и несколько врачей, находившихся в комнате, обернулись.

Один из них, хоть и был в маске, но его ясные, выразительные глаза тут же загорелись.

Чэн Юньцин, до этого по указанию декана чистивший инструменты, при виде вошедшего невольно выпрямился.

Хотя все врачи были в масках и халатах, Лю Цзинхэн сразу узнал среди них Чэн Юньцина.

В романе Чэн Юньцин проходил практику в местной стоматологии. Его персонаж, не желая, чтобы его блестящее будущее было безоблачным, специально записался на приём к декану их факультета. Он прекрасно знал, что Чэн Юньцин и декан — это как два в одном, так что, выбрав декана, он не прогадал.

Он записался на удаление зуба мудрости. Хотя оперировал декан, тот, из уважения и веры в Чэн Юньцина, доверил ему сделать анестезию.

Это и дало его персонажу шанс.

Операция под руководством эксперта, даже при сложном расположении зуба, прошла безболезненно. Укол анестезии тоже не причинил особой боли, но он всё равно решил придраться.

Его персонаж тут же написал жалобу, утверждая, что практикант ввёл слишком большую дозу анестетика, из-за чего у него надолго парализовало половину лица.

И в конце он произнёс свою коронную злодейскую фразу:

— Чэн Юньцин, ты сделал меня калекой, но я уже не держу на тебя зла, потому что всегда считал тебя своим лучшим другом. Но если ты чем-то недоволен, мог бы просто сказать! Зачем ты решил изуродовать моё лицо, которым я так гордился!

— Ты разрушил всю мою жизнь!

По правилам, практиканты могли только наблюдать, но декан Чэн Юньцина так ценил своего лучшего ученика, что, проигнорировав устав, доверил ему важную процедуру. В первый же раз случился инцидент, который попал в тренды, из-за чего Чэн Юньцину грозило отчисление, а декану — выговор.

Вспомнив сюжет, Лю Цзинхэн решительно сжал кулаки:

«Хотя автор романа писал, не особо утруждая себя логикой и здравым смыслом, на этот раз я точно не ошибусь».

После минутного замешательства Чэн Юньцин отвёл взгляд.

Рука, чистившая инструменты, слегка дрогнула.

— Почему ты в инвалидном кресле? — тихо спросил он.

Его персонаж должен был ответить: «Я уже заставил себя не думать об этом, почему ты одной лишь фразой снова напомнил мне о том, что я парализован? Ты же врач, как ты можешь так легкомысленно относиться к человеческой жизни?»

Лю Цзинхэн на мгновение задумался. «Как длинно».

Он сглотнул, кадык дёрнулся. Он изо всех сил пытался вспомнить реплику из романа:

— Я...

«Что там было?»

Он поднял глаза и увидел, что остальные врачи в кабинете смотрят на него. Под пристальными взглядами его сердце забилось чаще.

— Я парализован. Жить не хочу-у-у, — наверное, что-то в этом роде. Паралич есть, рассуждения о жизни тоже есть. Всё верно.

Хотя конец фразы прозвучал невнятно, в целом получилось неплохо.

Чэн Юньцин прищурился, смерив Лю Цзинхэна взглядом с ног до головы. Когда он видел его в прошлый раз, тот носился как угорелый. Неужели...

Чэн Юньцин с досадой покачал головой, уголки его губ под маской дрогнули в улыбке.

«Опять капризничает».

Декан, услышав это, пустился в пространные рассуждения о величии жизни и о том, что лучшее лекарство — это вера в светлое будущее.

У Лю Цзинхэна от этих речей закружилась голова. Внезапно Чэн Юньцин поднялся:

— Я помогу тебе сесть в кресло.

Лю Цзинхэн замолчал. Ему стало стыдно. На самом деле, главный герой романа был очень хорошим человеком.

Чэн Юньцин просунул одну руку ему под спину, а другой подхватил под коленями и, понизив голос, сказал:

— Держись крепче. Упадёшь — я не виноват.

Лю Цзинхэн, забыв о своей роли паралитика, крепко сжал ногами его торс:

— Хорошо.

Яркий свет лампы заставил Лю Цзинхэна прищуриться.

— Открой рот, — сказал Чэн Юньцин, взяв стоматологическое зеркало.

Лю Цзинхэн открыл рот.

— Шире.

Лю Цзинхэн изо всех сил растянул губы, стараясь открыть рот как можно шире.

Чэн Юньцин внимательно осмотрел его зубы — белые, ровные, словно здоровые ростки бамбука.

— Кардиологическое обследование проходил? — спросил Чэн Юньцин.

Лю Цзинхэн: «?»

«Что это?»

Видя его растерянное лицо и широко открытый рот, Чэн Юньцин отложил зеркало и сказал:

— У тебя порок сердца. Сначала нужно пройти обследование, чтобы определить его характер, степень сердечной недостаточности и риски. Только после этого можно будет решать, можно ли удалять зуб.

Процессор Лю Цзинхэна медленно заработал. С его состоянием он точно не пройдёт обследование. А значит, он упустит шанс подставить главного героя.

— Нет, нет, я хочу удалить! — Лю Цзинхэн, дрожа, выпрямился, его взгляд был полон решимости. — Можно удалять.

Чэн Юньцин выключил лампу, его тёмные глаза впились в растерянное лицо Лю Цзинхэна.

— Тогда сначала пройди кардиологическое обследование, — вмешался декан. — Если что-то случится, мы не сможем нести ответственность.

Пока он объяснял другим практикантам детали, Чэн Юньцин внезапно наклонился и, глядя прямо в лицо Лю Цзинхэна, прошептал:

— Знаешь, что нельзя, но всё равно пришёл. Так сильно хотел меня увидеть?

Едва произнеся эти слова, он почувствовал, как его собственное сердце, словно больное, бешено заколотилось.

Лю Цзинхэн прикрыл глаза. «Нельзя удалять. Как же мне теперь следовать сюжету?»

Он даже не расслышал вопроса Чэн Юньцина и по-роботовски ответил:

— Да.

Глаза Чэн Юньцина над маской внезапно засияли.

Он поспешно отвернулся, его кадык дёрнулся.

— Глупый, — пробормотал он едва слышно.

Лю Цзинхэн вдруг почувствовал, как чья-то рука легла ему на спину, и в следующую секунду он оказался в воздухе.

Чэн Юньцин снял его с кресла, но не спешил сажать в коляску. Он деловито произнёс:

— Декан ещё занят. Когда он освободится, подробно обсудит с тобой план лечения.

Лю Цзинхэн заметил рядом инвалидное кресло и медленно потянулся к нему.

Чэн Юньцин перехватил его руку и прижал к себе:

— Побудь пока так. Мне тоже тяжело тебя туда-сюда пересаживать.

— Хорошо.

В кабинете воцарилась тишина. Лю Цзинхэн, глядя на белую лампу над головой, ощущал, как его тело окутывает лёгкий запах дезинфекции.

Волны сонливости накатывали одна за другой.

В полудрёме он почувствовал, как чья-то рука нежно похлопывает его по животу.

Он вдруг вспомнил, как в приюте, перед первой операцией, он так боялся, что не мог уснуть всю ночь. Папа-директор тогда тоже обнимал его, рассказывал отвлекающие истории, и его большая, тёплая и грубая рука нежно похлопывала его по животу:

— Цзинхэн, мой хороший, не бойся, не бойся~

Мысли медленно унеслись в ту тёплую весеннюю ночь.

...

Лю Цзинхэн медленно открыл глаза.

Его разбудил громкий голос из динамика.

— Пациент по записи номер 123, Цинь Чуяо, пройдите в кабинет номер шесть.

Лю Цзинхэн очнулся и осмотрелся.

Кажется, это была комната отдыха для врачей при кабинете. Пустая, только он один лежал на маленькой кушетке, укрытый курткой Чэн Юньцина.

Он встал и толкнул дверь.

В процедурной опытный пожилой специалист с пятью или шестью студентами столпились вокруг кресла.

В кресле сидел высокий парень. Врач держал его рот открытым, и он был похож на гигантский цветок-людоед из игры «Растения против зомби», но при этом улыбался во весь рот.

В следующую секунду улыбка исчезла с его лица.

— Лю Цзинхэн! — взревел он и вскочил с места.

— Пожалуйста, не двигайтесь, — поспешно остановил его декан.

— Кто тебя сюда пустил! Ты что, следить за мной вздумал?! — заорал Цинь Чуяо, указывая на Лю Цзинхэна.

Узнав, что Чэн Юньцин проходит практику в этой больнице, Цинь Чуяо решил прийти, чтобы произвести хорошее впечатление. Но тут он наткнулся на этого прилипалу. Если Чэн Юньцин неправильно его поймёт, то что толку от его большого рта?

— Прийти в стоматологию можно только по одной причине. Сиди смиренно, — недовольно произнёс Чэн Юньцин из толпы и с силой усадил Цинь Чуяо обратно.

— Это он ведёт себя беспокойно! Опять замышляет что-то грязное! — Цинь Чуяо снова вскочил, и если бы не трое или четверо врачей, которые его удерживали, Лю Цзинхэну сегодня бы точно досталось.

— Ты будешь лечиться или нет? — Чэн Юньцин потёр переносицу, его голос внезапно стал громче.

Цинь Чуяо бросил на Лю Цзинхэна несколько гневных взглядов и, увидев нахмуренные брови Чэн Юньцина, наконец, хмыкнув, откинулся в кресле.

Лю Цзинхэн, поразмыслив о жизни, кое-что вспомнил. Он медленно подкатил к себе инвалидное кресло, сел в него и выехал из кабинета.

Жалоба. Он должен пожаловаться. Он — злодей, нельзя выходить из образа.

Увидев сотрудника, Лю Цзинхэн с ходу заявил:

— Я хочу пожаловаться. Кабинет номер шесть. Зуб удалять нельзя.

— И ещё там очень шумно.

Сотрудник, сопоставив ключевые слова, хлопнул себя по ляжке:

«Скандал с врачами!»

Персонал больницы всегда напряжённо относился к конфликтам с пациентами, ведь от этого зависела их премия.

Скандалы недопустимы!

Десять минут спустя.

У входа в больницу остановилась полицейская машина, её сирена оглушительно выла.

Лю Цзинхэн, с пепельным лицом, вернулся в шестой кабинет. «Как же я устал».

Увидев двух полицейских, широкими шагами направляющихся к ним, Лю Цзинхэн инстинктивно сжался.

Он боялся полиции.

В детстве, когда ему было плохо, он часто плакал, и его уставшие родители строго прикрикивали на него:

— Будешь плакать — полиция тебя заберёт!

С того дня образ полицейского в его сознании стал зловещим и пугающим.

— Нам сообщили, что здесь кто-то буянит, — сказал полицейский, толкнув дверь кабинета.

От этих слов у Лю Цзинхэна выступил холодный пот.

Он в страхе опустил голову, не смея поднять глаз.

В кабинете Цинь Чуяо, окружённый практикантами, служил наглядным пособием. Внезапное появление полиции заставило всех обернуться.

Сотрудник из кабинета жалоб, опоздав, подбежал к Лю Цзинхэну и торопливо сказал:

— Полиция приехала. Ты говорил, что здесь кто-то буянит. Кто? Врач или пациент? Кто не даёт тебе удалить зуб?

Лю Цзинхэн лишь мельком оглядел комнату и примерно запомнил, где стоял Чэн Юньцин.

Страх перед полицией не позволял ему поднять голову. Доверяя своей памяти, он медленно указал пальцем.

Цинь Чуяо, сидевший в кресле: «?»

«Этот бледный пальчик указывает на меня, верно?»

Видя мирную картину, полицейский засомневался:

— Что происходит? Кто-нибудь может объяснить?

Декан поспешил сгладить ситуацию:

— Простите, товарищи, что зря вас побеспокоили. Думаю, произошло какое-то недоразумение.

— Это не недоразумение, — холодно произнёс Чэн Юньцин.

— Предыдущему пациенту по состоянию здоровья нельзя было удалять зуб, я попросил его отдохнуть во внутренней комнате. Но этот пациент, — Чэн Юньцин указал на Цинь Чуяо, — я не знаю, какие у них счёты, но он, несмотря на уговоры врачей, самовольно покинул кресло и начал оскорблять другого человека.

— Я? — недоверчиво переспросил Цинь Чуяо, указывая на себя.

— Товарищи полицейские, к креслу подключено много острого инструмента, одно неверное движение могло привести к беде. Но сейчас пациент успокоился. Простите, что зря вас потревожили, — Чэн Юньцин поклонился полицейским.

При этих словах удивлённые глаза Цинь Чуяо расширились, зрачки задрожали.

Полицейский тяжело вздохнул и бросил взгляд на Цинь Чуяо:

— Ты вроде уже не маленький, что ты в больнице выпендриваешься? И какое тебе дело до того, что кто-то пришёл лечить зубы? Что ты тут руками машешь, самый главный, что ли?

— Да он что, зубы пришёл лечить?! — заорал Цинь Чуяо, указывая на Лю Цзинхэна за дверью.

В его глазах пылал неугасимый огонь.

Ради какого-то Лю Цзинхэна Чэн Юньцин посмел дать против него показания полиции!

— Какие у вас там счёты, я не знаю. Если есть проблемы, решайте их в полицейском участке. Больница — не место для вымещения эмоций, — строго сказал полицейский.

Цинь Чуяо холодно усмехнулся:

— А ты смелый. Знаешь, кто я такой, чтобы так со мной разговаривать?

— Мне всё равно, кто ты. Если недоволен, пусть твои родные приходят и с нами разбираются, — отрезал Дядюшка в фуражке.

Цинь Чуяо замолчал. В его сознании всплыло суровое лицо дядюшки.

— Ладно, — полицейский отдал честь врачам. — Спасибо за работу. Если что, обращайтесь.

В кабинете воцарилась гробовая тишина.

Лю Цзинхэн за дверью: ...?

«Странно. Жалоба есть, полиция есть, Чэн Юньцин есть, но сюжет какой-то не тот».

«Ладно, всё равно не сильно отличается».

В доме семьи Цинь.

Цинь Ду повесил трубку и посмотрел на стопку заявлений на практику.

Полицейский, видимо, решив, что такой избалованный мажор, как Цинь Чуяо, так просто не успокоится, решил действовать на опережение и позвонил его опекуну, господину Цинь, чтобы обрисовать ситуацию. Старик был занят игрой в гольф с друзьями и не ответил, поэтому звонок перевели на его младшего брата.

Вкратце: буянил в больнице, не слушал врачей, чуть не сломал оборудование.

Пока он размышлял, из коридора донёсся звук бьющихся предметов:

— Лю Цзинхэн, какой же ты молодец! Полицию вызвал! Так сильно хочешь привлечь моё внимание?

Цинь Ду опустил взгляд на стопку заявлений.

Это были анкеты на практику, которые утром прислал куратор специальности «Управляющий» с факультета туристического менеджмента Университета Цзиньхай.

Под его пальцами лежало заявление с цветной фотографией, на которой было запечатлено

безэмоциональное лицо. Глаза были пустыми, и сколько бы фотограф ни просил его сфокусироваться, он так и не смог найти нужную точку.

Взгляд Цинь Ду медленно переместился на информационный блок рядом.

В последнее время имя «Лю Цзинхэн» стало звучать слишком часто. На этот раз оно появилось в заявлении на практику.

В коридоре Цинь Чуяо, всё ещё не успокоившись, схватил картину со стены и высоко её занёс.

— Молодой господин, — управляющий, прибежавший на шум, остановил его и приложил палец к губам.

— Господин Цинь в кабинете, работает. Прошу вас соблюдать тишину, — строго произнёс пожилой управляющий.

Цинь Чуяо сглотнул и молча повесил картину на место.

На людях он был наследником корпорации, недостижимой Полярной звездой.

Но дома, особенно в присутствии Цинь Ду, он превращался в мягкую игрушку, которую каждый норовил потискать.

Управляющий Ли, неся поднос с чёрным чаем, постучал в дверь кабинета. Выйдя оттуда, он с недовольным видом произнёс:

— Молодой господин, господин Цинь просит вас зайти.

Тело Цинь Чуяо медленно окаменело, готовое вот-вот рассыпаться.

«Всё, конец».

Леденящая атмосфера, исходившая из комнаты, не позволяла Цинь Чуяо сделать и шага.

Он заглянул внутрь. Его дядюшка сидел за столом с суровым выражением лица, его губы были плотно сжаты в тонкую линию.

— В семье Цинь нет нужды в привратниках, — голос Цинь Ду был ледяным, он даже не взглянул на него.

Цинь Чуяо, ссутулившись, по-роботовски шагнул вперёд.

— Только что звонили из полиции. Сказали, ты буянил в больнице, — небрежно листая заявления, произнёс Цинь Ду. Его голос был холодным, как лёд.

— Я... — открыл рот Цинь Чуяо.

«Из-за такой мелочи донесли дядюшке. Эти твари совсем забыли, кто они такие, едва зажили хорошо».

— Сколько тебе лет? — прервал его Цинь Ду.

— Два... двадцать два...

Цинь Ду холодно хмыкнул:

— Так ты, оказывается, знаешь.

Все слова, готовые сорваться с языка Цинь Чуяо, послушно вернулись обратно.

С дядюшкой лучше не спорить. И капризы не помогут.

В детстве он подрался в школе с одноклассником. Хотя тот первый начал смеяться над тем, что у него нет родителей, в глазах Цинь Ду было неважно, кто что сказал, важно было то, что он сделал.

Тогда он был ещё маленьким и слышал, что лучший способ решения проблем — это покапризничать. Он попробовал:

— Дядюшка~, он первый меня обозвал~

Ледяное «Говори нормально» от Цинь Ду заставило его проглотить все эмоции.

С того дня он понял: его дядюшка — единственная нерешаемая задача в мире.

Цинь Ду встал, его тон был отстранённым:

— В двадцать два года пора бы уже думать, прежде чем говорить и делать. Я не хочу, чтобы ты позорил имя Rilon Group.

— Да...

Цинь Ду больше не обращал на него внимания и широкими шагами вышел из кабинета.

Как только он ушёл, Цинь Чуяо с облегчением выдохнул.

«Чёрт, Лю Цзинхэн, Лю Цзинхэн!»

Внезапно его взгляд замер.

Стоило ему подумать о Лю Цзинхэне, как тот тут же появился, словно галлюцинация.

На столе лежала стопка заявлений, и среди них — анкета с ярким, как бабочка, лицом Лю Цзинхэна.

Цинь Чуяо украдкой взглянул на дверь, быстро схватил анкету и стиснул зубы.

«Лю Цзинхэн, так сильно хочешь в богатую семью? Даже если у меня в этом доме нет права голоса, ты сюда не войдёшь».

Воспользовавшись отсутствием Цинь Ду, Цинь Чуяо в ярости разорвал анкету Лю Цзинхэна пополам и, скомкав, швырнул в мусорную корзину.